

Русский язык, которого мы не знаем

Сергей Балыбердин

Сергей Балыбердин

**Русский язык,
которого мы не знаем**

«Издательские решения»

Балыбердин С.

Русский язык, которого мы не знаем / С. Балыбердин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909028-7

Что наделяет слова нашего языка смыслом? Условное сочетание звуков или что-то иное? Могут ли иметь самостоятельный смысл отдельные слоги или даже отдельные буквы? Если могут, то каким образом его можно определить? На эти и другие вопросы мы постарались ответить в нашем исследовании, в котором вы сможете найти историческую подоснову указанных вопросов, авторский метод осмысления графики «кириллических» букв, оригинальный метод морфемного членения слов и их дальнейшего осмысления.

ISBN 978-5-44-909028-7

© Балыбердин С.
© Издательские решения

Содержание

Благодарности	6
Предисловие	7
Глава 1.	11
Исторические условия исследования	11
Графическая матрица букв	16
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Русский язык, которого мы не знаем

Сергей Балыбердин

© Сергей Балыбердин, 2018

ISBN 978-5-4490-9028-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

Спасибо всем, кто принимал опосредованное участие в данном исследовании, промежуточные результаты которого отрывочно публиковалось в сети интернет. Ваши комментарии в целом мне очень помогли. Наверное, даже не подозревая об этом, вы иногда заставляли меня оглянуться назад и увидеть несовершенство сделанных ранее предположений и подталкивали вперед на поиски универсального описания той или иной буквы, слога или слова. Отдельное спасибо говорю Насте, которая не уставала критиковать мои «открытия» на разных этапах исследования. Некоторые твои утверждения, с которыми я изначально не соглашался, в последующем нашли подтверждение в исследуемых мной словах. Спасибо говорю Сергею за то, что в одном из своих комментариев ты обратил мое внимание на надстрочные и подстрочные элементы букв, которые я видел и до этого, но не имел возможности по достоинству оценить их важность. Отдельное спасибо говорю Александру за давнее увлекательное знакомство и совместную работу над историческими статьями, которые Вы доверяли мне рецензировать в части анализа значений некоторых слов. Работа над их осмыслением заставляла меня развиваться и постоянно узнавать что-то новое. Персональное спасибо говорю Марии, подарившей мне свою книгу, в которой главными действующими персонажами являлись слова. Их анализ занял примерно полгода, и именно в процессе этой работы описываемый в данной книге метод осмысления слов почти окончательно сформировался. Большое спасибо я говорю моему отцу Александру, не отмахнувшись от «бредней» своего младшего сына, замахнувшегося на постулаты науки, а увидевшему в данном исследовании системность и согласившемуся выступить первым его читателем и редактором. Огромное спасибо говорю Наталье, которая, несмотря на острую нехватку времени, согласилась посмотреть на мою работу с научной точки зрения. Именно благодаря Вашим замечаниям и комментариям данная книга приобрела законченный вид.

Самое же большое спасибо я говорю моей любимой жене Ольге и трем замечательным дочерям: Жене, Саше и Владе, которые за увлеченностью своего мужа и отца, конечно же, недополучали моего внимания, но были очень терпеливы и снисходительны к моим изысканиям, чем несказанно мне помогли.

Предисловие

В последнее время все большую популярность набирает так называемая «народная этимология», которая находит объяснения чуть ли не любым словам через другие похожие слова, порой крайне далекие друг от друга по лексическому значению, или даже созвучные слова других языков. В научной и околонаучной среде на подобную «этимологию» смотрят с сожалением, ведь она зачастую нарушает даже элементарные языковые законы. В большинстве случаев обычного школьного образования достаточно, чтобы усомниться в правильности подобной «этимологии». Ведь нельзя же всерьез воспринимать утверждения о происхождении слова, например, «администрация» от слов «ад» и «министр», слова «буква» от слов «бук» и «вода» или слова «смысл» от слова «семья». Однако в сети интернет распространение информации подобного рода приобрело массовый характер. В сети стали доступны многие старые издания по лингвистике XIX века, когда эта наука еще только зарождалась и очень многие языковые законы, известные в научных кругах на текущий момент, были еще не открыты. Сегодня выводы столетней давности, основанные на порой очень субъективных взглядах на русский язык их авторов, ложатся в основу новых учений. Используются, например, работы П. А. Лукашевича, нашедшего так называемое «чаромутие», в котором слова можно читать в прямом и обратном порядке, получая при этом дополнительный к основному смысл. Довольно часто можно увидеть ссылки на «Славянорусский корнеслов» А. С. Шишкова, выводы которого уже давно признаны наукой ошибочными. С одной стороны, подобные упражнения «народных этимологов» ничего, кроме улыбки, не вызывают, но с другой стороны, они доносятся до широкой публики различными СМИ и заставляют многих людей поверить подобным зачастую ничем не обоснованным выводам. Такая ситуация, на наш взгляд, стала возможной вследствие общего падения уровня образования, а также недоступности свода даже простейших языковых законов и истории русского языка в среднем образовании. В профильных вузах их, конечно же, изучают, но абсолютному большинству людей эти дисциплины неизвестны. Им остается лишь доверять «уважаемым людям», полагаясь на их опыт и знания. Подобным образом становятся «общепринятыми» толкования, например, слова «язычник» в виде сочетания двух слов: «языче» и «никакой». Первое «переводится» некоторыми толкователями как «носитель языка», а второе как «не наш», «чужой». Сложение этих «переводов» приводит толкователей к понятию «носителя чужого языка» или «носителя чужой веры», которые затем легко трансформируются в понятие «иностранец/иноземец». Такое объяснение выглядит обоснованным, ведь превращение слова «язык» в «языче» не кажется нам чем-то невозможным, как и укорачивание слова «никакой» всего до трех букв. То, что подобное «превращение» оставляет от слова «никакой» всего лишь приставку «ни» и только первую букву корня, в расчет не берется. Однако так думают не только «народные этимологи». Например, чешский лингвист З. Оливериус в своей книге «Морфемы русского языка», выпущенной в Праге в 1976 году, выделяет в слове «никакой» корень именно из одной буквы «к». Большинство лингвистов с подобным выводом, конечно же, не согласны, выделяя в этом слове корень «как», но опереться в своих выводах «народным этимологам» в научной среде есть на кого. Другие толкователи, напротив, находят в том же слове слияние слов «язык» и «народ» только лишь на том основании, что суффикс «-ник» начинается на ту же букву, что и слово «народ». Подобные «открытия», допускающие непосредственные лексические связи между словами всего по одной букве, не выдерживают даже поверхностной критики, но все же существуют и даже находят своих сторонников. Тем не менее насколько бы ни казались правыми первые и неправыми вторые, ни одно из указанных толкований нельзя применить к осмыслению слов, например, «родник», «всадник», «сапожник» или «передник», в которых есть все тот же суффикс «-ник». Этот же суффикс присутствует и в слове «понедельник», которое

«народные этимологи» осмысляют как «день, идущий после недели». При этом про суффикс «-ник», осмысляемый ими чуть раньше как сокращение от слова «никакой», почему-то сразу забывают. Очередное сокращение слова «после» всего до одного первого слога снова заставляет задуматься о верности сделанного такими толкователями утверждения. Ведь от слова «после» была взята все та же приставка «по», которая есть и в слове «понедельник». То есть конкретной приставке, которая есть во множестве слов, был придан единственный смысл подходящего в конкретном случае слова, которое к другим словам может и не подойти. Слово, например, «поход» осмыслить как фразу «после хода» у нас точно не получится, ведь слово «поход» имеет диаметрально противоположное лексическое значение.

На наш взгляд, сложившейся ситуации способствует, как это ни парадоксально звучит, сама лингвистика. Об отсутствии в среднем образовании освещения хотя бы основных языковых законов, написанных простым и понятным языком, мы уже сказали выше, но дело не только в этом. Дополнительным стимулом для поиска новых смыслов слов и связей между ними служит отсутствие простых и понятных правил русского языка. Практически на любое правило находится с десяток исключений, подтверждающих лишь наличие самих правил, а общий свод правил письменной формы нашего языка по своему объему может поспорить с романом Л. Н. Толстого «Война и мир». При этом исключения никак не объясняются, их нужно просто запомнить. Морфемное членение слов тоже оказывается многовариантным. Недавно нам пришлось столкнуться с необходимостью морфемного разбора наречия «небрежно». В результате опроса двух преподавателей русского языка мы получили два разных варианта морфемного разбора! Проверка по справочникам подтвердила, что каждый из учителей оказался по-своему прав. Электронные словари поражают еще большим количеством вариантов морфемного деления этого слова. Они находят в нем основу «небреж» в вариациях: суффикс «но», суффиксы «н» и «о», суффикс «н» и окончание «о». Источник такой информации для нас остался загадкой. Некоторые электронные словари соответствуют «Словообразовательному словарю русского языка» А. Н. Тихонова и обнаруживают в данном слове корень «небрежн» в вариациях: суффикс «о» или окончание «о». Второй вариант возникает, вероятно, из попытки представления рассматриваемого слова кратким прилагательным, ведь согласно современным правилам, наречия окончаний не имеют. При таком количестве вариантов неискушенному читателю, который вряд ли сегодня станет листать бумажную версию академического словаря, остается лишь сделать произвольный выбор и надеяться, что он будет правильным. Найти электронную версию «Словаря морфем русского языка» А. И. Кузнецовой и Т. Ф. Ефремовой, в котором данного слова нет, но представлен ряд однокоренных слов с выделяемым корнем «бреж», нам не удалось. Возможно, кто-то догадается о наличии здесь приставки «не», а кто-то, полностью доверившись доступным электронным словарям, этого сделать не сможет. Про лексическую связь со словом «бережливый» вспомнит не каждый, ведь это слово начинается на «береж», а не на «бреж», и здесь нужно еще вспомнить правила «беглых» гласных. В словари древнерусского языка, в которых без труда можно найти слово «НЕБРЕЖЕНИЮ» со значениями «нерадение, небрежность, невнимательность», а также слово «БРЕЖЕНИЮ» со значениями «печение, забота», заглянет исчезающе малый процент людей, а среди школьников таких любознательных, скорее всего, не будет вовсе. Те же словари подскажут, что слово «БРЕЖЕНИЮ» еще имело вид «БРЪЖЕНИЮ», что делает его основу очень похожей на старославянский вариант русского слова «берег» – «БРЪГЪ». Стоит лишь вспомнить о возможном «чередовании»¹ букв Г и Ж, как придет осознание того, что и лексические значения слов «БРЕЖЕНИЮ» и «БРЪГЪ» довольно близки, как близки они и к лексическому значению слова «БЕРЕЧИ» (*беречь*), в котором проявляется еще одно «чередование» согласной последнего слога. Однако для подобных выводов человеку необходимо

¹ Причина заключения данного слова в кавычки вам станет понятна после прочтения данной книги.

сделать достаточно много дополнительных действий и не всегда очевидных. Если бы словари и учебники объясняли «чередование» Г, Ж и Ч не просто вариантами первой палатализации как констатацией фонетического изменения слова, а сделали бы слоги с такими «чередующимися» согласными самостоятельными суффиксами со своими значениями, то в указанных выше словах обнаружился бы общий корень «БРЕ» (именно с конечной гласной).

Преподаватели профильных вузов могли бы обращать особое внимание будущих учителей русского языка на то, что раньше в русском языке краткие гласные звуки О и Е имели буквенные обозначения в виде Ъ и Ь соответственно, а на заре письменной эпохи почти во всех словах древнерусского языка соблюдался принцип открытого слога, которому полностью соответствовал общий для всех славянских языков праязык. В этом случае было бы намного легче объяснить даже детям, что корни «БРЕ» и «БЕРЕ» в современных словах «*небрежный*» и «*берег*» являются формами одного и того же древнерусского корня «БЪРЄ», который до появления в нашей азбуке буквы Ь имел вид «БЄРЄ», а форма корня «БРЪ» является всего лишь его же старославянским вариантом. Такие учителя, на наш взгляд, могли бы донести до своих учеников много больше полезной информации о нашем языке, не ограничиваясь лишь механической передачей им свода его правил. На школьных уроках истории русского языка можно было бы рассказать, что наш современный язык возник не на пустом месте, а является на удивление равноправным сочетанием двух языков: древнерусского и старославянского². Поэтому пары слов «*голова-глава*», «*город-град*», «*голод-глад*», «*холод-хлад*», «*берег-брег*» и многие другие являются не просто примером письменного безразличия нашего языка к формам слов, а являются прямым следствием смешения этих родственных, но разных языков. В ряде подобных пар и сегодня можно заметить лексические отличия, а раз они присутствуют, то фраза «буквальный смысл» перестает быть просто устойчивым выражением, а становится прямым указанием на то, что каждая буква может придавать слову то или иное лексическое значение. Будущим учителям можно дополнительно объяснять, в чем заключаются самые общие отличия между консонантными и консонантно-вокалическими языками и что надделение смыслом только сочетаний букв, обозначающих согласные звуки, справедливо лишь для первых, а для вторых, к которым относится и русский язык, не меньшее значение имеют буквы, обозначающие гласные звуки. Иначе слова, например, «*копать*» и «*копить*», «*лазать*» и «*лизать*», «*гнать*» и «*гнить*», «*вор*» и «*вар*» должны попарно обозначать примерно одно и то же. Не лишним было бы рассказать, хотя бы вкратце, что еще до XVI века на Руси тексты писались без пробелов и каких-либо знаков препинания. Можно предложить студентам подумать над возможными способами чтения таких текстов. Рассказать немного и про новгородские грамоты, которые являются древнейшими письменными памятниками нашего языка, а также про то, что в некоторых грамотах сплошной текст почему-то поделен двоеточиями на слоги³ или слова⁴, чем сильно облегчается его чтение, а, возможно, и понимание. Если с делением на слова все понятно, то деление сплошного текста на слоги заставляет нас предположить, что текст, в котором не выделены слова, мог пониматься читателем и по слогам. Вся эта информация, которая считается сегодня лишней в школьной программе, могла бы сильно сократить число верящих в то, что слово «*буква*» образовано от сочетания слов «*бук*» и «*вода*», и возбудить больший интерес людей к нашему родному языку.

В конце 2012 года подобные размышления привели автора данной книги к совершенно ненаучной мысли о том, что отдельные слоги и даже отдельные буквы могут обладать собственным лексическим значением. Наличие в русском языке служебных слов и местоимений, состоящих всего из одной-двух букв, стало для нас дополнительным стимулом для поиска

² А. А. Зализняк «Об истории русского языка», 2012 г.

³ Грамоты №915, 1050—1075 гг., №707, 1280—1300 гг., №412, 1260—1280 гг., Великий Новгород.

⁴ Грамоты №893, 1120—1140 гг., №144, 1320—1340 гг., Великий Новгород.

этих значений. Главной нашей задачей стало определение способа, с помощью которого мы смогли бы выявить смысл минимальной единицы письменной формы языка – буквы. Перебор всех слов, содержащих конкретную букву, и попытка по их лексическим значениям понять ее смысл показались нам заведомо ошибочным решением. Во-первых, общее количество слов нашего языка слишком велико, чтобы в таком разнообразии лексических значений попытаться выявить что-то общее, относящееся к конкретной букве. Во-вторых, такой подход похож на попытку понять предназначение процессора по предназначению устройств его содержащих. Означает ли факт наличия процессоров в компьютерах, сотовых телефонах, игровых приставках, фотоаппаратах и еще множестве электронных устройств то, что процессор умеет производить вычисления, передавать нашу речь по воздуху, выводить на экран телевизора игры, фотографировать и т.п.? Нет. Процессор только выполняет вычисления, а все эти возможности обеспечиваются комплексом тех или иных электронных компонентов, которые этот процессор окружают. Если вместо процессора представить конкретную букву, а вместо всей электроники слова, то получится похожая картина. К появлению самых разных слов со своими лексическими значениями приводит определенное сочетание слогов и букв, но никак не наоборот. По нашему мнению, только внешний вид букв может являться источником информации об их смысле. Поэтому нам необходимо выявить систему построения их графики и понять, что они означают. Анализу графики букв русского языка с последующей проверкой правильности определенного нами их смысла и будет посвящена данная книга.

Глава 1. Осмысление графики букв Азбуки

Исторические условия исследования

Согласно современным научным представлениям, принято считать, что письменность на Руси появилась в конце X века вместе с принятием христианства. Это значит, что для графического анализа мы не можем взять машинописные буквы или буквы гражданского шрифта Петра I, которые в угоду книгопечатанию частично или полностью утратили многие свои изначальные графические особенности. Для исследования нам нужно найти самую древнюю русскую азбуку. На сегодняшний день таковой является азбука «Новгородского кодекса» начала XI века, которую подробно описал в своих работах академик А. А. Зализняк⁵.

Рис.1. Изображения букв «Новгородского кодекса», начало XI века

⁵ А. А. Зализняк «Древнейшая кириллическая азбука», Вопросы языкознания, Наука, 2003 г.

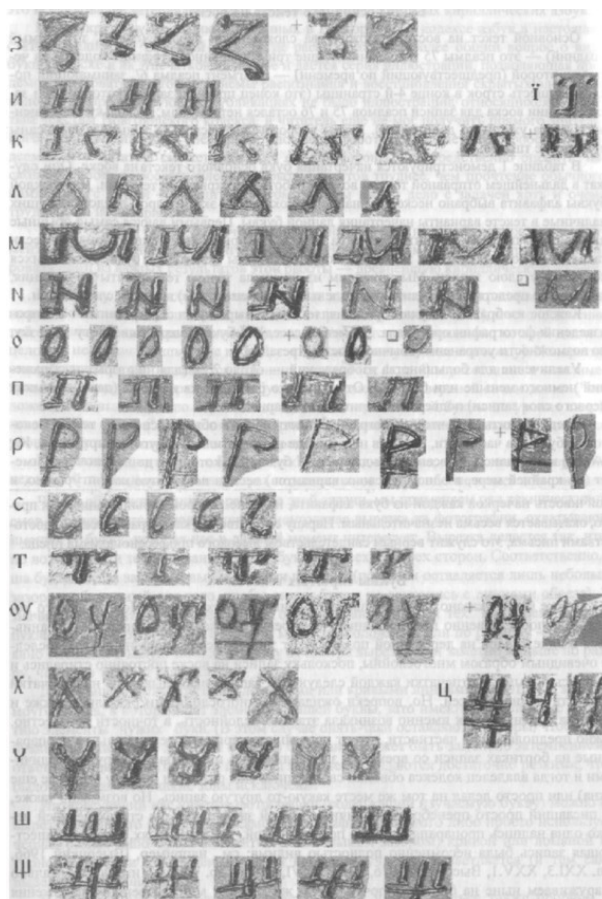

Рис.1. Изображения букв «Новгородского кодекса», начало XI века

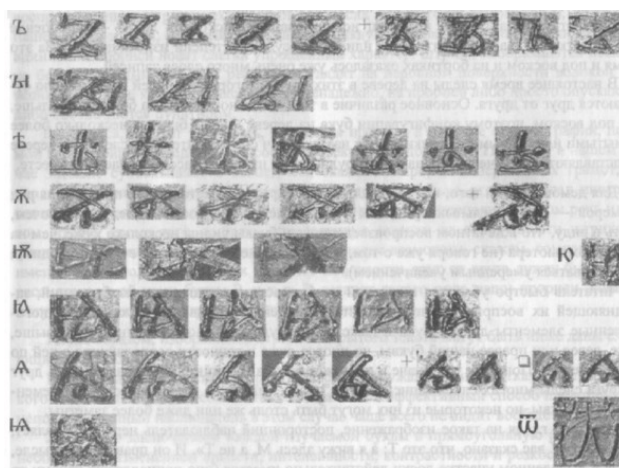

Рис.1. Изображения букв «Новгородского кодекса», начало XI века

Азбука данного артефакта является более чем замечательным объектом для нашего исследования еще и потому, что даже академик А. А. Зализняк в исследовании, посвященном «Кодексу», отмечает:

*«...В таблице 1 мы стремились отразить как можно больше замеченных вариаций в начертании одной и той же буквы. Несмотря на это, бросается в глаза, напротив, **чрезвычайная устойчивость начерков каждой из букв алфавита**, на фоне которой варьирование, как правило, оказывается весьма незначительным. Наряду с собственно **калли-***

графическими достоинствами письма, это служит верным свидетельством высокого профессионализма писца...»⁶

Представить что-то лучшее для исследования графики букв, чем каллиграфический почерк писца-профессионала, вряд ли возможно. Тем более что ни один из древнейших «кириллических»⁷ текстов не обладает сразу всеми графическими особенностями букв, которые будут описаны ниже. С одной стороны, эти особенности можно было бы списать на стиль конкретного писаря, но его последовательность в начертании каждой буквы, с другой стороны, заставляет усомниться в том, что он по своему усмотрению додумывал их графику, сильно усложняя свою работу. Дощечки, обнаруженные в земле Великого Новгорода, использовались писарем в качестве черновика в течение десятков лет, а изображения букв все это время практически не изменялись, что скорее указывает на соблюдение писарем некой традиции, чем на поддержание им собственного стиля. Это, конечно же, не дает нам права утверждать, что в данном «Кодексе» собраны единственно правильные изображения «кириллических» букв. Однако наличие характерных особенностей некоторых из них, непоследовательно повторяющихся в других древнейших «кириллических» памятниках, позволяет нам это предположить. Принято считать, что прототипом «кириллической» азбуки являлся греческий унциал, ведь греческая письменность намного старше, а «кириллические» буквы на греческие аналоги очень похожи. Станным выглядит лишь то, что при переносе в «кириллическую» азбуку некоторые буквы изменили свою графику по какому-то не вполне очевидному правилу. Мы говорим про греческие буквы «альфа», «дельта» и «лямбда» (Рис. 2).

В их графике можно заметить общее правило написания: у всех трех букв правая наклонная черта переходит в надстрочный элемент. Однако изображения тех же букв в «Новгородском кодексе» выглядят несколько по-другому (Рис. 3).

Рис.2. Изображения букв «А», «Д» и «Л» в греческих рукописях

Рис.3. Изображения букв «А», «Д» и «Л» в «Новгородском кодексе»

Правилу написания греческих «прототипов» соответствует только буква А, тогда как графика букв Д и Л изменилась: в надстрочный элемент переходит не правая, а левая их черта. Данная особенность показывает, что среди этих трех букв «наследуемой» графикой обладают

⁶ Содержимое «таблицы 1» приведено на Рис.1.

⁷ Причина заключения данного слова в кавычки вам станет понятна после прочтения данной книги.

лишь буквы Д и Л, причем в приведенном изображении буквы Д сохранен даже нижний ограничитель левой наклонной линии буквы Л. Такое изменение графики вполне могло бы быть всего лишь ошибкой конкретного новгородского писаря, но точно такое написание буквы Л можно встретить в самых древних на сегодняшний день «кириллических» надписях на плитах собора болгарского царя Симеона, датируемых 893 годом, при том что буква Д в той же надписи соответствует греческому варианту ее написания. То, что это не еще одна случайная описка, а правило, подтверждает троекратное одинаковое написание буквы Л:

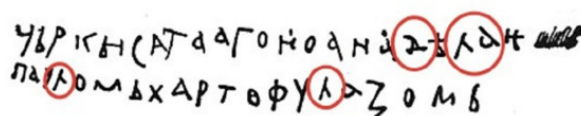

Рис.4. Прорись надписи на плитах собора царя Симеона

Чуть более поздние документы, такие как «Саввина книга» (по разным оценкам, X—XI век) и «Енинский апостол» (XI век) показывают нам те же буквы как точные копии греческих букв. В «надписи царя Самуила», датируемой 993 годом, выносные элементы букв Л и Д совсем не просматриваются. В графике тех же трех букв из «Остромирова Евангелия» (XI век) надстрочных элементов нет, их заменяют горизонтальные штрихи-ограничители, которые прописаны у всех трех букв, делая их похожими скорее на греческие буквы, чем на буквы «Новгородского кодекса».

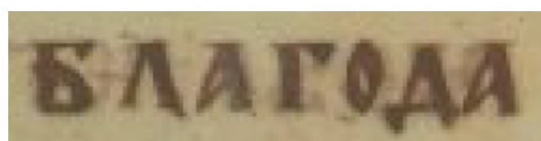

Рис.5. Вырезка из «Остромирова Евангелия», XI век

Новгородские берестяные грамоты исписаны буквами, которые своей графикой очень похожи на буквы «Остромирова Евангелия». В них надстрочный элемент иногда встречается в графике буквы А, но в большинстве случаев все три буквы имеют верхний горизонтальный штрих-ограничитель либо их наклонные линии сводятся в одну точку без него. В целом в новгородских грамотах видно сильное влияние церковного стиля написания букв, согласно которому буквы стремятся принять квадратную форму, для чего, вероятно, и прорисовывались ограничители всех вертикальных линий букв:

Рис.6. Фрагмент грамоты №349, 1260—1280 гг., Великий Новгород

Такое вписывание букв в воображаемый квадрат наблюдается не только в берестяных грамотах, где это явление могло возникнуть вследствие сложности начертания букв на таком материале, но и в пергаментных рукописях, где подобных сложностей не возникает. Рисовать

буквы сложной формы не в пример проще, чем вырезать их на бересте. Это позволяет нам предположить унификацию графики «кириллических» букв по графической модели латинских букв, которые также стремились к квадратной форме. Вероятно, на такое изменение графики букв (по сравнению с графикой букв «Новгородского кодекса») сильное влияние оказала церковно-славянская письменность, которая пришла на Русь вместе с принятием христианства в самом конце X века. Тем не менее среди более чем тысячи новгородских берестяных грамот нашлись две грамоты, которые содержат точно такие же правила написания букв А, Д и Л, которыми пользовался автор «Новгородского кодекса»:

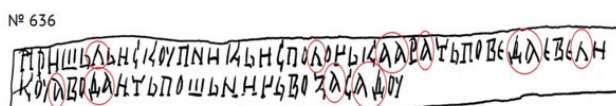

Рис.7. Грамота №636, 1260—1280 гг., Великий Новгород

Рис.8. Грамота №704, 1260—1280 гг., Великий Новгород

Грамота №704 расширяет список рассматриваемых букв до четырех, ведь она дополнительно содержит букву **А**, которая выглядит как видоизмененная буква **Л**, точно так же, как и в «Новгородском кодексе». И это несмотря на более чем двухсотлетнюю разницу между временем написания этих письменных памятников!

Достоверно ответить на вопрос о причине унификации графики букв в рассматриваемом периоде сегодня вряд ли возможно, но наличие переходного написания букв А, Д и Л в древнейшей «кириллической» надписи 893 года и точное повторение графики букв А, Д, Л и **А** «Новгородского кодекса» начала XI века в новгородских берестяных грамотах конца XIII века позволяет сделать следующее предположение: новгородский писарь начала XI века владел иной письменной традицией, нежели писари Болгарии и Греции того же периода. В таком случае становится непонятным, кто кого учил писать, болгары русских или наоборот... Предлагаем вам самостоятельно ответить на этот вопрос после прочтения нашего исследования полностью, а пока выполним обязательную подготовку к началу анализа графики букв.

Графическая матрица букв

Первоочередной задачей нашего исследования является обнаружение матрицы, по которой строится графика всех «кириллических» букв. Для ее построения нужно лишь заметить, что среди рассматриваемых букв есть те, в графике которых присутствует всего одна вертикальная линия, это, например, буквы Г, Б и В. Есть буквы, в графике которых вертикальных линий уже две, это, например, буквы Н, П и Ц, и есть буквы, в графике которых вертикальных линий три, это, например, буква Ш. Буквы, содержащие большее количество вертикальных линий, в «кириллической» азбуке отсутствуют. Таким образом, в искомой матрице должно быть три вертикальных направляющих. Графика букв, например, Ц, Н и П показывает, что горизонтальные линии букв могут занимать также только три положения. Это приводит к появлению в искомой матрице трех горизонтальных направляющих. В результате этих несложных наблюдений мы выявили матрицу с тремя вертикальными и тремя горизонтальными направляющими. Однако пока мы не определим, что они означают, эти направляющие о смысле букв нам ничего не скажут, оставаясь всего лишь линиями. Наделение всех направляющих матрицы собственным смыслом является нашей следующей задачей. Для ее решения необходимо определиться с тем, что же собой представляют буквы.

По нашему мнению, буква – это графическое изображение, передающее нам, как и любое другое изображение, образ какого-то объекта или явления на определенном уровне абстракции. Как сообщают ученые, финикийские буквы произошли от пиктограмм, изображавших конкретные объекты: «алеф» – голова быка, «бет» – дом и так далее. Вследствие изобретения фонетического алфавита эти изображения перестали соотноситься людьми с родительскими понятиями, а стали обозначать только звуки, на которые начинались соответствующие слова. У нас нет причин не доверять выводам историков, но буквы-то от этого не перестали быть изображениями и не могли полностью потерять свой графический смысл. Оттого, что люди перестали их соотносить с конкретными объектами, сами изображения некогда конкретных объектов никуда не делись. Изображение не может быть полностью бессмысленным, ведь оно обязательно олицетворяет какой-то образ⁸, даже если это просто точка или линия. Иначе изображение просто не существовало бы. *Изображение обязательно передает нам образ чего-то.* Выявленная нами графическая матрица букв – тоже изображение, поэтому можно предположить, что и она соотносится с каким-то объектом материального мира. Письменная форма языка (а наша матрица служит основой именно для ее простейших элементов – букв) одинаково используется нами для описания всего, что только возможно ей описать, поэтому выделить для сравнения с нашей матрицей какой-то конкретный объект не представляется возможным. Это должен быть какой-то универсальный образ, параметры которого были бы применимы к любому объекту окружающего нас мира. Такими объединяющими любые объекты параметрами, по нашему мнению, являются время существования объекта и формы его существования, которые в конкретный момент времени у любого объекта окружающего нас мира в каком-то виде обязательно присутствуют. Время существования объекта применительно к объектам неживой и живой природы имеет два крайних состояния: момент создания/рождения и момент разрушения/смерти, а между ними лежит, собственно, сам период существования/жизни объекта.

С формами существования объекта определиться немного сложнее, ведь они тоже должны быть универсальны как для живого существа, так и для объекта неживой природы.

⁸ Образ (в философии) – результат и идеальная форма отражения объекта в сознании человека, возникающая в условиях общественно-исторической практики на основе и в форме знаковых систем (Большая советская энциклопедия).

В своей физической форме любой объект или существует, или не существует. В данной форме никаких других этапов существования объекта быть не может. Значит, мы можем предположить, что остальные две формы существования объекта не связаны с его физическим проявлением.

Мы с вами рассматриваем буквы, которые являются инструментом только лишь человека, поэтому давайте рассмотрим этапы сотворения чего-то материального именно им. Их нам будет проще всего представить.

Первым этапом создания человеком чего-либо является мысленное представление желаемого результата в самых общих чертах. Например, мы представили, что нам нужен стул. На этом этапе, кроме нашего сиюминутного желания, еще ничего нет, а сам стул представлен в физическом мире лишь в форме самого общего мысленного образа.

На втором этапе воображаемый нами стул «обрастает» подробностями и конкретикой, а также строится план по достижению желаемого на физическом уровне, превращая нашу мысль в замысел. Это уже не абстрактный воображаемый стул, а стул конкретной формы, размеров, из конкретной породы дерева, который мы сможем сделать, выполнив какие-то действия. Сам стул уже представлен в физическом мире в форме детального мысленного образа.

На третьем этапе мы принимаем решение воплотить замысел в жизнь. То есть выражаем намерение сделать то, что задумали. Очень многие замыслы разрушаются именно на этом этапе реализации. Ведь человек может принять решение, но не дополнив его соответствующим замыслу количеством собственных сил, может так и не приступить к его реализации. На этом этапе детальный мысленный образ стула дополняется энергией, позволяющей ему обрести физическую форму.

Далее, если наше намерение достаточно сильно, следует процесс реализации замысла на физическом уровне. Совокупность наших действий и различных материалов, из которых будет состоять наш стул, на данном этапе является следующей формой его физического существования.

Конечным результатом наших действий, согласно замыслу, в той или иной мере является задуманный нами объект. В случае рассматриваемого примера это стул. Соответствие его формы и качества исходному замыслу зависит от проработанности намерения, прилежности в его исполнении и многих других факторов, включая мастерство исполнителя.

Из этих пяти этапов выделим диаметрально противоположные состояния объекта: абстрактный мысленный образ и физический объект, а также две области действия: замысел или мыслительный процесс, детализирующий образ создаваемого объекта, и физическая реализация замысла. Пятым этапом, отделяющим две области действия, является решение о реализации замысла.

Абстрактный мысленный образ, решение о реализации замысла и физический объект как «границные состояния» мы предлагаем соотносить с тремя направляющими матрицы, а мыслительный процесс детализации образа создаваемого объекта и физическое действие по созданию объекта – с областями между этими направляющими.

С обозначением всех направляющих матрицы мы определились, и нам осталось только правильно их расположить: какие из них необходимо соотносить с ее вертикальными направляющими, а какие с горизонтальными, и в каком порядке они должны следовать. В этом нам помогут сами изображения букв. В их графике обнаружилось замечательное особенности, которые последовательно и в полном объеме встречаются только в «Новгородском кодексе». Применительно к вертикальным элементам буквы это нижний ограничитель левой линии буквы (показан стрелкой на примере букв В, Г, Д, М и Ё) (Рис. 9).

Этот ограничитель обнаружился и у буквы Ш, хотя именно в ее графике он не просматривается. Однако он показан в графике буквы Щ, которая образована непосредственно из графики буквы Ш, что позволяет сделать вывод о его наличии и в ней (Рис. 10)

Рис. 9. Изображения букв В, Г, Д, Ми Ъ в «Новгородском кодексе»

Рис.10. Изображение буквы Щ в «Новгородском кодексе»

Прорисовка нижнего ограничителя в графике данной буквы более чем примечательна, ведь он мог просто совпасть с горизонтальным элементом буквы. Так эту букву было бы проще нарисовать, но писарь упорно продолжал показывать ограничитель отдельно, отрывая левый вертикальный элемент буквы от горизонтального. Подобный отрыв не наблюдается ни у среднего, ни у правого вертикального элемента ни в одном изображении букв. Если в графике какой-то буквы присутствуют два вертикальных элемента, то нижний ограничитель может присутствовать только у левого из них. В случае если буква занимает всю ширину матрицы, то не будет его и у правого вертикального элемента:

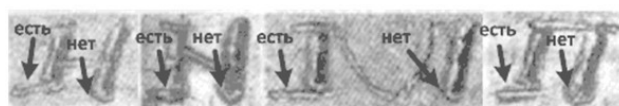

Рис.11. Изображения букв Н, Н, П и М в «Новгородском кодексе»

Самые широкие буквы азбуки М и Ш имеют ограничитель левого вертикального элемента, средние по ширине буквы, например Н, Н и П, тоже имеют его в своем составе, и единственная узкая буква нашей азбуки, буква Ъ, также его содержит. Это позволяет предположить, что вертикальная линия буквы, которая может быть и наклонена, имеющая нижний ограничитель, отвечает за одну и ту же характеристику объекта и должна располагаться только на левой вертикальной направляющей матрицы. Иначе графика букв М и Ш выйдет за правый предел матрицы.

Та же левая вертикальная линия в некоторых случаях оканчивается еще и верхним ограничителем:

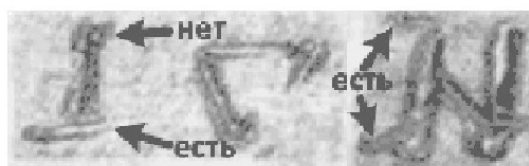

Рис.12. Изображения букв К и N в «Новгородском кодексе»

В целом по изображениям букв «Новгородского кодекса» нами замечено, что верхний ограничитель может совмещаться с горизонтальным элементом букв. Его наличие в графике буквы в данном случае выражается выходом горизонтального элемента за вертикальный элемент буквы, с которым он соприкасается, слева:

Рис.13. Изображения букв Г, М и П в «Новгородском кодексе»

Последовательное изображение ограничителей вертикальных линий букв позволяет нам сформулировать общее правило их употребления: левая вертикальная линия может иметь нижний и верхний ограничители либо только нижний, а к средней и правой вертикальным линиям такие ограничители не применимы⁹. Важно отметить, что ограничители левой вертикальной линии нарочито смещены влево относительно самой вертикальной линии, то есть они почти полностью лежат левее нее. Эта их особенность позволяет нам определиться с тем, с какими направляющими матрицы можно соотнести формы существования объекта, а с какими временные отсечки. Заранее не зная их расположения, можно равновероятно предположить, что левая вертикальная линия матрицы может соотноситься с какими-то крайними характеристиками объекта: мысленной формой существования объекта, физической формой существования объекта, моментом создания/рождения или моментом разрушения/смерти. Нам остается только последовательно перебрать все возможные варианты и увидеть, какие из них в принципе являются приемлемыми.

Если мы соотнесем с левой направляющей матрицы момент создания/рождения, то ограничители должны быть соотнесены нами с мысленной и физической формами существования объекта. Условный вектор времени в матрице будет направлен слева направо. В ряде букв присутствуют оба ограничителя, поэтому для нас пока неважно, какой из них какую форму объекта олицетворяет. В любом случае изображение ограничителей появляется раньше момента создания/рождения объекта, ведь ограничители нарочито смещены влево. Если к мысленной форме существования объекта такая преждевременность применима и вполне оправдана (эта форма существования объекта всегда предваряет физическую форму его существования), то появление физической формы объекта раньше момента ее создания в принципе невозможно. Значит, с левой направляющей матрицы точно не может быть соотнесен момент создания/рождения объекта.

⁹ Про особенности буквы П, в графике которой это правило нарушается в части верхнего ограничителя средней линии, будет отдельно написано в главе, посвященной этой букве.

Если мы соотнесем с левой направляющей матрицы момент разрушения/смерти, то получим похожую картину, но смещенную в будущее: физическая форма существования объекта, соотнесенная нами с одним из ограничителей, не может существовать после момента разрушения объекта. Значит, с левой направляющей матрицы точно не может быть соотнесен и момент смерти.

Следовательно, с вертикальными направляющими матрицы не могут быть соотнесены временные характеристики объекта. С ними должны быть соотнесены формы существования объекта, а временные характеристики должны быть соотнесены с горизонтальными направляющими матрицы. Из этого наблюдения следует вывод: ограничители левой вертикальной линии буквы олицетворяют моменты создания/рождения и разрушения/смерти одной из форм существования объекта. Это может быть или его физическая форма, или мысленная.

Применимо ли понятие времени к мысленной форме существования объекта – сложно сказать. Однако судя по тому, что ограничители применяются лишь к одной вертикальной линии букв и что понятие времени точно применимо к физической форме существования объекта, можно предположить, что линия с ограничителями олицетворяет именно физическую форму существования объекта.

Данному предположению соответствует только левая вертикальная линия букв, которая располагается, как мы показали выше, на левой же вертикальной направляющей матрицы. Исходя из этого, мы можем соотнести все формы существования объекта со всеми вертикальными направляющими матрицы и промежутками между ними.

Нам осталось только определить: какая горизонтальная направляющая матрицы должна быть соотнесена с моментом создания/рождения объекта, верхняя или нижняя. Это позволит нам правильно соотнести остальные временные характеристики объекта с двумя другими горизонтальными направляющими матрицы.

Наличие в азбуке «Новгородского кодекса» букв, в графике которых наблюдается только нижний ограничитель левой вертикальной линии, дает нам основание предположить, что именно он олицетворяет момент создания/рождения, ведь этот момент есть у каждого объекта, тогда как момент разрушения объекта может и не попасть в описываемый конкретной буквой период времени.

Как мы предположили ранее, сравниваемым с буквами объектом может быть объект как неживой, так и живой природы. Момент разрушения у этих объектов есть всегда, но по нашему мнению, образ конкретной буквы может относиться к объектам только живой природы либо ко всем объектам сразу. В первом случае образ буквы может включать в себя период времени вплоть до смерти живого существа, тогда как последующее время до его физического разрушения для некогда живого существа уже не так важно. Справедливость данного предположения мы попытаемся доказать в описании букв ниже.

Не менее важным является правильное размещение буквы в матрице.

Особенности ограничителей левой вертикальной линии букв в целом позволяют нам сформулировать общие правила их позиционирования:

- если в графике буквы нижний ограничитель вертикальной линии присутствует, то ее левая (возможно, и единственная) вертикальная линия совмещается с левой же вертикальной направляющей матрицы;
- если такая линия буквы наклонена, то с левой вертикальной направляющей матрицы совмещается точка ее соприкосновения с нижним ограничителем;
- если нижний ограничитель в графике буквы отсутствует, то ее левый вертикальный элемент совмещается со средней направляющей матрицы;
- буквы, в графике которых вертикальных элементов нет, это буквы О, С и Ё, располагаются нами в правой части матрицы, так как если бы в образах этих букв одно из ключевых

значений принадлежало бы физической форме существования объекта, он был бы явно в их графике обозначен, что повлекло бы за собой и добавление нижнего ограничителя.

Еще одним важным условием правильного размещения буквы в матрице наравне с нижним ограничителем левой вертикальной линии является сохранение относительных пропорций букв. Так, ряд букв значительно выше и шире других, что наглядно демонстрируют древние тексты (Рис. 14).

На Рис.14 видно, что буквы З, Р, Х, Ц и У имеют ярко выраженные подстрочные элементы, причем у всех этих букв в плоскости остальных букв лежит лишь верхняя половина графики.

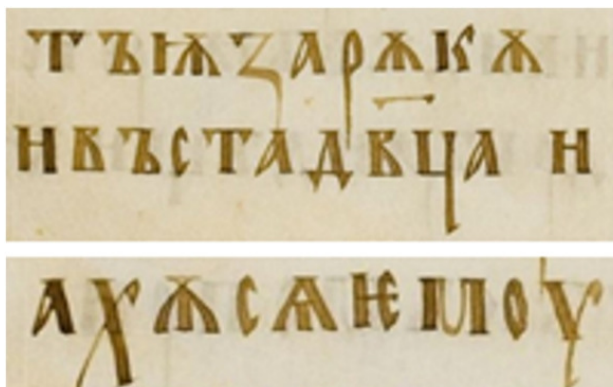

Рис.14. Произвольные вырезки из «Остромирова Евангелия», XI век

Буква М явно шире букв Ъ, А, Р или С, а судя по графике «Новгородского кодекса», такими же широкими когда-то были буквы Т и К

Рис.15. Изображения букв К, Л М, С и Т в «Новгородском кодексе»

В результате сделанных предположений и анализа особенностей графики исследуемых букв у нас получилась следующая матрица:

Рис.16. Графическая матрица букв

Хотелось бы обратить ваше внимание на тот факт, что средняя горизонтальная линия матрицы достаточно условна. Все пространство между нижней и верхней направляющими матрицы является единым пространством времени жизни/существования объекта, образ которого соотносится с буквой. Мы предполагаем, что она условно разделяет период времени на начальный и последующий. Применительно к живому существу нижнюю часть матрицы можно условно принять за период взросления, а верхнюю – за взрослый период жизни. Пусть расположение каких-то элементов буквы или их частей в нижней или верхней половине матрицы (но не на самих направляющих матрицы) показывает нам, что их образы относятся к одному из двух указанных периодов жизни/существования объекта. По нашему мнению, данное условие позволит нам более точно описать образ той или иной буквы.

Здесь нам необходимо пояснить появление дополнительных наименований вертикальных направляющих, которые указаны в скобках. Умолчать о них в нашем исследовании мы посчитали невозможным, так как влияние языка на сознание и культуру народа-носителя сложно переоценить, а сокрытие деталей, которые многое могут сказать о философских воззрениях создателей и пользователей нашего с вами языка, было бы слишком большим упущением. Приведем краткие определения данных понятий, взятые нами из Философского энциклопедического словаря 2010 года:

- «Тело» – название материальной протяженной вещи как чего-то объективно физического;
- «Дух» – душа как сущность, которая может временно или навсегда покинуть тело (т.е. это одна из форм существования души, а не душа в целом – примечание автора);
- «Душа» – антитеза понятий тела и материи. Научное понятие души: душа – в отличие от индивидуального духа – совокупность тесно связанных с организмом психических явлений, в частности чувств и стремлений.

Приведенное определение понятия «душа» подтверждает правильность нашего предположения о том, что этим термином следует назвать именно крайнюю правую направляющую матрицы, соотнесенную нами ранее с мысленной формой существования объекта. Эта форма находится на противоположной от физической формы стороне матрицы, как и «душа» в представленном определении является антитезой «тела».

Данные термины не обозначают что-то совсем нам неведомое. Мы ежедневно употребляем их в нашей речи, хотя два последних и являются, на наш взгляд, неформализуемыми (несмотря на данные выше определения). Последние два понятия можно попытаться осознать

лишь на интуитивном уровне, а полноценно описать их словами, скорее всего, невозможно. В нашем исследовании мы не вкладываем в них религиозного смысла, а используем их лишь для более точного, как нам представляется, воспроизведения мировоззрения людей конца первого тысячелетия нашей эры. Описывать буквы мы будем также на основе этих понятий, так как считаем их более применимыми для этой задачи, чем понятия «мысль», «намерение» и «объект». Мы считаем крайне маловероятным вариант, при котором создатели рассматриваемых нами букв использовали бы именно их, а не понятия «тело», «дух» и «душа». Во времена появления письменной формы древнерусского языка люди придавали этим понятиям много большее значение, чем мы это делаем сегодня, и, скорее всего, воспринимали их как объективные сущности, нежели как нечто эфемерное либо сугубо религиозное. Воззрения людей на окружающий мир и саму человеческую жизнь были в то время не столь материальны и опирались скорее на философские и сверхъестественные понятия, чем на голый материализм. Поэтому в описании каждой буквы в дополнение к ее практическому смыслу мы будем приводить и метафизический смысл ее графики, как его понимает автор. Тем более что смысл графики некоторых букв наиболее полно и точно выражается именно через данные понятия, нежели через «формы существования объекта». Вы это увидите в описании первой же самой графически простой буквы, с которой мы и начнем описание графики букв. Особо отметим, что метафизический смысл букв, приводимый нами ниже, не является предметом исследования данной книги, как не является он и предметом обсуждения в принципе, ведь мировосприятие у каждого из нас индивидуально. Собрать из этих смыслов цельное «азбучное духовное учение», что, как мы полагаем, вполне возможно, мы не планировали. Если вам чужды данные понятия, обращайтесь внимание лишь на практический смысл букв, для осмысления абсолютного большинства слов его вполне достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.